

ЕЛЕНА СТАХОВА – ЖЕНСТВЕННОСТЬ В ЖЕРТВЕННОСТИ

И. Т. ПАН

УДК 82-31

В статье проанализирован образ главной героини романа И. С. Тургенева «Накануне» – Елены Стаховой. «Тургеневские девушки» отличаются своеобразием характеров и оригинальностью: самоотверженность, способность принести себя в жертву ради «великой цели» – их яркая отличительная черта. Другая, не менее знаковая их особенность – способность глубоко и преданно любить. Целью анализа стало определение аспектов женственности данного литературного героя на примере как материалов самого романа, так и критики. Детально рассмотрен характер героини, ее внутренний мир и внешние данные.

Ключевые слова: **Елена Стахова, женственность, героиня, Тургенев, роман, «тургеневская девушка».**

ELENA STAKHOVA – FEMININITY IN SACRIFICE

I. T. PAN

The article analyzes an image of the heroine of I. S. Turgenev's novel «On the Eve» – Yelena Stakhova. «Turgenev girls» are notable for their unique characters and originality: dedication, ability to fall on the sword for the «great goal» – their bright distinctive feature. Another not less significant feature is the ability to love deeply and faithfully. The purpose of the analysis was to determine the aspects of femininity of this literary hero on the example of both the novel in itself and criticism. The heroine's temper, her inner world and appearance are considered in detail.

Keywords: **Elena Stakhova, femininity, heroine, Turgenev, novel, «Turgenev's girl».**

Роман «Накануне» – одно из наиболее талантливых и трагичных произведений великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. В нем есть все – любовь и надежда, слезы и жертвенность. Пожалуй, не зря именно Дмитрий Инсаров и Елена Стахова стали кумирами молодежи того времени. «Я собирался писать «Рудина», но та задача, которую я потом постарался выполнить в «Накануне», изредка возникала передо мною. Фигура главной героини, Елены, тогда еще нового типа в русской жизни, довольно ясно обрисовывалась в моем воображении; но недоставало героя, такого лица, которому Елена, при ее, еще смутном, хотя и сильном стремлении к свободе, могла предаться» – пишет Тургенев в предисловии к собранию романов [1, с. 272].

Идея романа возникла у Тургенева еще в 1855 г., тогда он смог представить образ Елены, но этого было недостаточно. Неожиданное обстоятельство подтолкнуло писателя к действиям. В то время Тургенев много времени проводил в своем имении, где его посещал близкий друг, помещик Василий Каратеев. Именно Каратеев, стремясь сообщить миру свою историю, передал Ивану Сергеевичу рукопись, которая и стала основой для романа. В ней Каратеев рассказывал о девушке, которую любил, и она отвечала ему взаимностью, пока не встретила болгарина Катранова, – широко известного в те времена на его родине, – и уехала с ним в Болгарию. Образ Катранова чрезвычайно заинтересовал Ивана Сергеевича. П. В. Анненков в воспоминаниях пишет о публич-

ных прочтениях «отрывков из скомканной, неумелой, плохой рукописной повести», с удивлением отмечает он «участие к произведению, не заслуживающему никакого внимания» [2, с. 427]. Попытки опубликовать бедную в художественном плане рукопись Каратеева не увенчались успехом, и вскоре Тургенев сам принялся за создание этого удивительного произведения.

Заглавие «Накануне» было выбрано автором по многим причинам. Прежде всего, произведение написано *накануне* великих перемен в стране, роман опубликован в 1860 г. – в преддверии Крестьянской реформы 1861 г. Уже тогда обстановка в стране была напряженной, и Тургенев, как человек творческий и чуткий, не мог оставить это без внимания.

Тургенев благоволил своей героине, именно она становится центром повествования. Описание и психологический портрет, выдержки из дневника героини раскрывают глубину ее натуры. Самоотверженная, неприступная Елена по достоинству занимает одно из центральных мест в галерее истинно женственных «тургеневских девушек»: ее острый ум, готовность жертвовать собой ради счастья и любви.

Елена, на первый взгляд, являет собой образ типичной женщины того времени – она тиха и задумчива, ее пленяют умные мужчины, умеющие выразить свои мысли и способные на яркие, героические поступки. Однако с первых страниц романа заметна неоднозначность ее натуры: «От этого лица можно в отчаянье прийти. Посмотришь, линии чистые, строгие, прямые. <...> Удивительное существо... странное существо» [3, с. 10].

Она не красавица в традиционном понимании этого слова, но, безусловно, внешность ее довольно примечательна: «Ей недавно минул двадцатый год. Росту она была высокого, лицо имела бледное и смуглое, большие серые глаза под круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лоб и нос совершенно прямые, сжатый рот и довольно острый подбородок. Ее темно-русая коса спускалась низко на тонкую

шею. Во всем ее существе, в выражении лица, внимательном и немного пугливом, в ясном, но изменчивом взоре, в улыбке, как будто напряженной, в голосе, тихом и неровном, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словом, что-то такое, что не могло всем нравиться, что даже отталкивало иных. Руки у ней были узкие, розовые, с длинными пальцами, ноги тоже узкие; она ходила быстро, почти стремительно, немного наклоняясь вперед» [3, с. 38].

С самого детства девушка проявляла любовь ко всем угнетенным и обиженным, начиная с животных и даже насекомых, но в характере ее, несмотря на внешнее добросердечие и мягкость, присутствует стержень: «Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала «во веки веков»; требования ее ни перед чем не отступали, самые молитвы не раз мешались с укором. Стоило человеку потерять ее уважение, – а суд произносила она скоро, часто слишком скоро, – и он уже переставал существовать для нее. Все впечатления резко ложились в ее душу; нелегко давалась ей жизнь» [3, с. 39].

Елена дружила с бедной девочкой Катей, втайне мечтая сбежать от родителей и освободиться от гнета приличий: «Она садилась с ней рядом на сухую землю, в глуши, за кустом крапивы; <...> Елена возвращалась домой и долго потом думала о нищих, о Божьей воле; думала о том, как она вырежет себе ореховую палку, и сумку наденет, и убежит» [3, с. 40]. Крайне болезненно она принимает смерть Кати.

С самой юности девушку мучила некая двойственность, она рвалась и металась. Чем старше она становилась, тем сильнее «бездействие внешнее» проявлялось в «борьбе внутренней»: «Подруг у ней не было: изо всех девиц, посещавших дом Стаховых, она не сошлась ни с одной. Родительская власть никогда не тяготела над Еленой, а с шестнадцатилетнего возраста она стала почти совсем независима; она зажила собственной своею жизнью, но жизнью одинокою» [3, с. 42]. Не исключено, что именно

одинокость, отсутствие человека, разделяющего ее интересы, сделало Елену такой, какой мы видим ее впоследствии: «Ее душа разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было, никто не стеснял ее, никто ее не удерживал, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя. Все, что окружало ее, казалось ей не то бессмысленным, не то непонятным» [3, с. 42].

Елена является на редкость сложным человеком – добро она делает с рвением, жаром, уверенностью в том, что так и должно быть, и внутренне недоумевает, почему отец подтрунивает над ее желанием распутать муху, «которую сосет паук», «...она с детства жаждала деятельности, деятельного добра; нищие, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видела их во сне, расспрашивала о них всех своих знакомых; милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением» [3, с. 39]. Она одержима желанием помогать, в этом ее цель, ее сердце разрывается от непонимания со стороны родных и близких. Родителей своих она «переросла на голову».

Такая красивая и открытая душа, желающая всегда лишь отдавать, беззаветно, кротко, ничего не получая взамен – в этом вся суть Елены Стаховой. Все свои надежды на скорые перемены Тургенев вмещает в характер этой удивительной девушки: «Иногда ей приходило в голову, что она желает чего-то, чего никто не желает, о чем никто не мыслит в целой России. Потом она утихала, даже смеялась над собой, беспечно проводила день за днем, но внезапно что-то сильное, безымянное, с чем она совладеть не умела, так и закипало в ней, так и просилось вырваться наружу. <...> Как она ни старалась не выдать того, что в ней происходило, тоска взволнованной души сказывалась в самом ее наружном спокойствии, и родные часто были вправе пожимать плечами, удивляться и не понимать ее «странностей» [3, с. 42].

Несмотря на всю свою внешнюю суровость, Елена крайне романтична и умеет

отделить «зерна» от «плевел» – настоящее чувство – от попытки обладать недоступным. Именно потому она отталкивает всех, в ком хоть немного усомнилась. «Как жить без любви?» – недоумевает, страшится она, – «А любить некого!» [3, с. 42].

Среди поклонников ее находились подчас самые разнообразные люди: это и творец Шубин с его склонностью к шутливости и самоиронии, и мыслитель Берсенева, готовый поддерживать ее во всем, и чиновник Курнатовский, надутый, щеголеватый и чванливый. Но свое сердце девушка отдает Инсарову, чужеземцу, строгому, прямому, холодному и рассудительному.

При первой встрече Инсаров не впечатляет девушку, она описывает это как то, что ждала чего-то большего от человека, о котором так много и вдохновенно рассказывает ей Берсенева, она ждала от него чего-то более романтического, быть может, особой удалости в походке и глазах, особого стремления: «Инсаров действительно произвел на Елену меньше впечатления, чем она сама ожидала, или, говоря точнее, он произвел на нее не то впечатление, которого ожидала она. <...> Елена, сама того не подозревая, ожидала чего-то более «фатального». <...> не такими воображала она себе людей, подобных Инсарову, «героев» [3, с. 75].

Романтичная Елена, воспитанная на книгах, невольно представляет «ироя» Инсарова героем одного из женских романов, где мужчины стреляются на дуэлях и обладают особой, «роковой» внешностью. Несмотря на всю свою нескладность внешнюю, внутри эта девушка все еще нерешительный ребенок, и именно в этом прелесть образа Елены.

Отношение ее в корне меняется после разговора в саду, где Инсаров застаёт ее, возвратившись после того, как «разобрал одну ссору». Откровенный разговор всколыхнул в ней пока еще неуверенное чувство, но все дальнейшие события способствовали его укреплению. Окончательно ее чувство формируется, когда Инсаров, наконец, совершает ожидаемый Еленой «подвиг», разобравшись с пристающим к

ним на прогулке пьяницей. Теперь она уверена в себе и своих чувствах: «...Слово найдено, свет озарил меня! Боже! сжался надо мною... Я влюблена!» [3, с. 110].

Любовь ее так глубока и так самозабвенна, что даже в личном дневнике своем она пишет, что «буду называть его Д., мне нравится это имя: Дмитрий». Даже имя возлюбленного вызывает у нее внутреннюю бурю. Она прекрасно сознает, что не сможет реализовать своей души благородные порывы в родном дворянском гнезде: «...Чего мне хочется? Отчего так тяжело на сердце, так томно? Отчего я с завистью гляжу на пролетающих птиц? Кажется, я полетела бы с ними, полетела – куда, не знаю, только далеко, далеко отсюда. И не грешно ли это желание? У меня здесь мать, отец, семья. Разве я не люблю их? Нет, я не люблю их так, как бы хотелось любить. Мне страшно вымолвить это, но это правда» [3, с. 103], – пишет она в своем личном дневнике. Тоскливо и грустно Елене, гложет ее одиночество и непонимание. Красивые слова греют ее, но они ей не нужны, ведь быть «женой пред Богом» для нее уже значит очень и очень многое.

Внутренний огонь подхватывает ее, и вместе с ним она готова сокрушить любые препятствия. Она живет ожиданием скорой встречи, зная, что родители не одобряют их союза: «Отчего тебя папенька так не любит? С мамашей еще можно было бы как-нибудь... О мой милый! <...> Я не живу без тебя, я беспрестанно тебя вижу, слышу...» [3, с. 143]. В этой самоотверженности заключается одна из характерных черт «тургеневских девушек» – любовь является определяющим фактором их судьбы, полюбив, Елена полностью отдает себя этому чувству.

Болезнь Инсарова окончательно сражает эту сильную девушку, она открывается Берсеневу, она не может не быть рядом с Дмитрием, когда тот болен и находится на грани жизни и смерти. «Если он умрет – и я умру» – говорит она Берсеневу [3, с. 159]. Сама не своя, она чахнет, худеет и бледнеет вместе с мечущимся в лихорадке мужем.

Еще по приезде Инсаров говорит, что при первых признаках любви он покинет Россию, чтобы ничто не могло отвлечь его от смысла всей его жизни – от борьбы за освобождение своей родины, Болгарии, но, столкнувшись с радостным и самозабвенным желанием Елены поддерживать его всегда и во всем, он отступает. Он сдается в плен этой сильной женщине, он поглощен, всецело предан ей, а Елена, не сомневаясь ни минуты, согласна уехать с ним: «...Разве не все решено, не все кончено между нами? Разве я не твоя жена? Разве жена расстанется с мужем?» [3, с. 147].

И позже, в Венеции, она всегда рядом, всегда заботлива и кротка – ни слова упрека, ни капли жалости к себе, она уверена в принятых решениях и не собирается их менять. Во время болезни его много думала она о том, за что Бог послал им такую кару, ведь они «все делают правильно». «А как же горе оставленной, одинокой матери?» [3, с. 209] – со страхом думает она. И пришедшее в день смерти Инсарова письмо из дома только укрепляет ее решимость, ее жажду подвига.

Не нашедшая своего места в родной стране и семье, она вступает в освободительную борьбу чужого края потому, что это было важно и нужно ее возлюбленному. Она в плену высоких идеалов и переходит от мыслей к действиям незамедлительно. Смерть любимого человека потрясла, «выпила» ее. Исчезнув, она отправляет лишь короткое письмо своим родным: «Милые мои родные, я навсегда прощаюсь с вами. <...> я пойду в сестры милосердия; буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мною будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни» [3, с. 220].

В образе ее присутствует бесконечная, феноменальная преданность и безоговорочная вера – так доверять может только женская душа. Открытая и яркая, со смертью Инсарова из нее уходит и внутренний свет.

Роман «Накануне» был принят критиками неоднозначно. «Дворянское гнездо» имело самый большой успех, который ког-

да-либо выпал мне на долю. Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимание публики. Гораздо меньший успех имело «Накануне» – хотя ни один из моих романов не вызвал столько статей в журналах. (Самою выдающеюся была, конечно, статья Добролюбова.) Покойный Н. Ф. Павлов сильно раскритиковал меня – а другому, ныне также покойному критику, некоему Даргану дали даже обед по подписке в благодарность за весьма строгую статью о «Накануне», в которой он особенно настаивал на безнравственности главных действующих лиц. Появилось несколько эпиграмм; одна острога особенно часто повторялась: мое произведение потому-де названо «Накануне», что оно вышло накануне хорошего романа» – писал Тургенев [1, с. 271].

Добролюбов в своей статье пишет: «Певец чистой, идеальной женской любви, г. Тургенев так глубоко заглядывает в юную, девственную душу, так полно охватывает ее и с таким вдохновенным трепетом, с таким жаром любви рисует ее лучшие мгновения, что нам в его рассказе так и чувствуется – и колебание девственной груди, и тихий вздох, и увлажненный взгляд, слышится каждое биение взволнованного сердца, и наше собственное сердце млеет и замирает от томного чувства, и благодатные слезы не раз подступают к глазам, и из груди рвется что-то такое, – как будто мы свиделись со старым другом после долгой разлуки или возвращаемся с чужбины к родимым местам» [4]. Сам Тургенев не поддерживал позиции Добролюбова, считая его трактовку оскорбительной.

«Она жила спокойно, – пишет П. В. Анненков о реакции на произведение графини Ламберт, – без особенного волнения, в ожидании реформ, которые, по ее мнению, не могли быть существенны и очень серьезны – и ужаснулась настроению автора, поднимавшего повестью страшные вопросы о правах народа и законности, в некоторых случаях, воюющей оппозиции. Вдохновенная, энтузиастическая Елена казалась этому отделу публики еще аномалией в русском

обществе, никогда не выдавшем таких женщин» [2, с. 432].

Овсянников-Куликовский пишет о Елене: «Первое, что бросается в глаза в этих образах, что самым художником подчеркнута и выставлено на вид, это, во-первых, большая сила характера, почти мужского, способность к инициативе и борьбе с препятствиями, и, во-вторых, напряженная работа мысли и чувства. Лучшими представительницами этого типа являются *Наталья* в «Рудине» и *Елена* в «Накануне» [5], но он же и говорит о некоей доле эгоизма в ее поступке: «..почему-же Елена, эта чуткая, сострадательная, чистая душа, готовая на самоотверженный подвиг, с таким легким сердцем ушла в Болгарию, в то время, когда Россия была *накануне* реформ, когда общество пробуждалось к живой деятельности, и так нужны были у нас хорошие, идейные люди? Потому, конечно, что она влюбилась в Инсарова, что это была любовь всепоглощающая, любовь-страсть, любовь-гипноз. Почему, далее, после смерти Инсарова, она не вернулась в Россию? Опять-таки потому, что продолжался, и она уже потеряла способность мыслить и чувствовать нормально и могла только продолжать любить и делать то, что любил и делал ее покойный гипнотизер. В этой любви нет уже и тени какого-либо хищничества, натурального или перерожденного, это любовь высшая, святая, бессмертная, – ну а все-таки она эгоистична, и Елена – в развитии женственности – не выходит из пределов той стадии, где над женскою натурою все еще тяготеет *власть любви*» [5].

Таким образом, Елена обладает многими компонентами женственности: стремление к вечной, взаимной любви; безоговорочное доверие; способность жертвовать собой во имя интересов мужа; стремление быть королевой своего маленького мира, в котором она устанавливает свои законы и порядки. Истинная женственность в этой открытости, этом стремлении быть рядом во что бы то ни стало, движет этой женщиной, что позволит говорить о том, что Елена – героиня, и не только романа. Она – знамя надвигающихся перемен.

Литература

1. Тургенев И. С. Предисловие к собранию романов в издании 1880 г. // Статьи, предисловия, речи заметки. – М.: Директ-Медиа, 2012. – С. 269–276.
2. Анненков П. В. Литературные воспоминания – М.: Гослитиздат, 1960, 427 с.
3. Тургенев И. С. Накануне: Роман – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 224 с.
4. Добролюбов, Н. А. Когда же придет настоящий день? [Электронный ресурс] / http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0190.shtml (дата обращения 25.01.2017 г.).
Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Женские типы в произведениях Тургенева [Электронный ресурс] / http://az.lib.ru/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1895_02_turgenev_i_tolstoy_olderfo-1.shtml (дата обращения 25.01.2017 г.).

СТИХОТВОРЕНИЕ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО «МГНОВЕНИЯ»: ОПЫТ ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА

А. В. КАЛЬКОВА

УДК 82-14

В статье представлен целостный анализ произведения Р. И. Рождественского – «Мгновения», выявлено его содержательно-художественное своеобразие и кинематографическая судьба.

Ключевые слова: **анализ стихотворения, мгновения, Роберт Рождественский, автор, философский, строфа, размер, образ, кино.**

THE ANALYSIS OF VERSE R. I. ROZHDESTVENSKY "MOMENTS"

A.V. KALKOVA

The article presents a holistic analysis of the works of R. I. Rozhdestvensky – "Moments" identified by its content and artistic originality and cinematography fate.

Key words: **analysis of poems, moments, Robert Rozhdestvensky, author, of philosophical, verse, size, image, movie.**

Стихотворение Р. И. Рождественского «Мгновения» стало известно широкому читателю после фильма «Семнадцать мгновений весны»:

* * *

Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное, –
свистят они,
как пули у виска,
мгновения,
 мгновения,
 мгновения.
У каждого мгновенья свой резон,
свои колокола,
 своя отметина,
Мгновенья раздают – кому позор,
кому бесславье, а кому бессмертие.
Мгновения спрессованы в года,
Мгновения спрессованы в столетия.
И я не понимаю иногда,
где первое мгновенье,
 где последнее.

Из крохотных мгновений соткан дождь.
Течет с небес вода обыкновенная.
И ты, порой, почти полжизни ждешь,
когда оно придет, твое мгновение.
Придет оно, большое, как глоток,
глоток воды во время зноя летнего.
А в общем,
надо просто помнить долг
от первого мгновенья
 до последнего.
Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное, –
свистят они,
как пули у виска,
мгновения,
 мгновения,
 мгновения [1, с. 11].

Фильм о Великой Отечественной войне «Семнадцать мгновений весны», вышедший на экраны в 1973 г., по праву является классикой советского кинематографа. Однако мало кто знает о том, что слова к главной